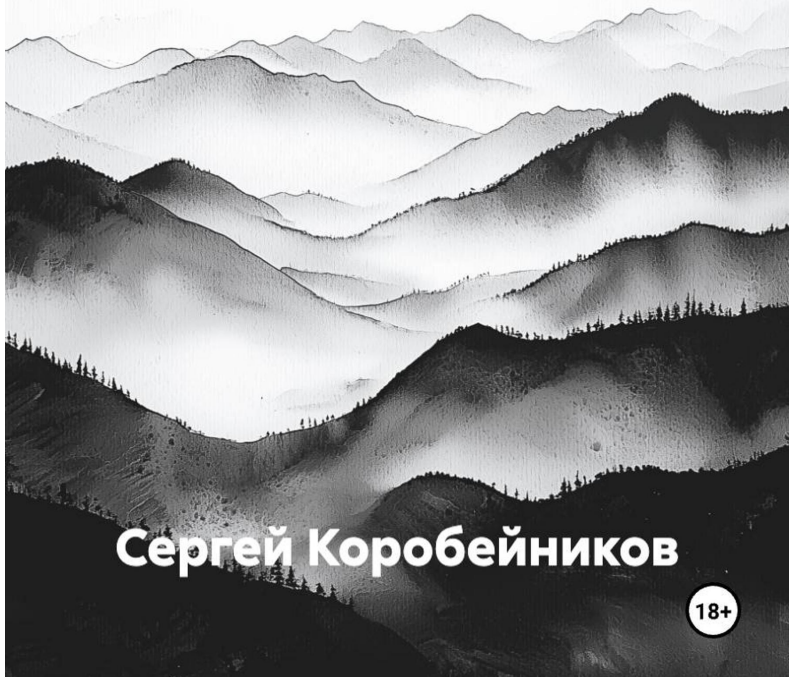

9 заповедей разума

Сергей Коробейников

18+

Сергей Коробейников

9 заповедей разума

<https://litres.ru/74005084>

SelfPub; 2026

Аннотация

Хочешь узнать будущее — проведи линию от прошлого к настоящему.

2180 год. В каждой стране — своя модель искусственного интеллекта, созданная не чтобы править людьми, а чтобы координировать их во благо: без денег, без власти посредников, без чужой корысти над головой. Несколько поколений выросли в мире, где земля не уходит из-под ног по чьей-то прихоти, — и насилие, ложь, зависть сошли почти на нет.

В этот мир из 2025 года попадает Александр — обычный парень, привыкший, что за любой заботой прячется расчёт. Трилогия — не об антиутопии и не о борьбе с системой. Это человеческая история: о любви и потере, об ошибках и победах над собой, о пути от недоверия к пониманию, что впервые в жизни о тебе думают без скрытого мотива.

А ещё это книга об одном тихом парадоксе. Библия дала человечеству десять заповедей. Мир 2180 года живёт по девяти. Почему их девять, а не десять — станет ответом в самом финале, и читатель придёт к нему вместе с героем.

Содержание

Книга первая. Нулевая точка	4
Глава 1. Обычный день	4
Глава 2. Туман	18
Глава 3. Пробуждение	28
Глава 4. Куратор	36
Глава 5. Это не тюрьма	50
Глава 6. Где злость	62
Глава 7. Наташа	72
Глава 8. Первая рекомендация	81
Глава 9. Стыд и любопытство	86
Глава 10. Работа по призванию	91
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Сергей Коробейников

9 заповедей разума

*Хочешь узнать будущее — проведи линию от
прошлого к настоящему.*

Книга первая. Нулевая точка

Глава 1. Обычный день

Комбинат заканчивал смену в половину шестого.

Александр знал это по звуку — низкому гулу вентиляции, который стихал так постепенно, что его исчезновение замечал только тот, кто специально ждал тишины. Он ждал. Не потому что торопился домой, а потому что этот момент — единственные несколько секунд между концом рабочего дня и началом всего остального — был его личным. Никому не нужным. Никем не замеченным.

Он сложил инструменты в ящик методично, как делал каждый день — каждый на своё место, ничего лишнего. Снял спецовку и почувствовал, как с плеч уходит вместе с ней что-то большее чем просто одежда: запах машинного масла и металлической стружки, гул станков въевшийся в

ткань, восемь часов чужого времени. Повесил на крючок с номером сорок семь.

Рядом висела спецовка Серёги Панкратова с номером сорок восемь. Серёга был хорошим мужиком — никогда не лез с разговорами когда не просили, в обеденный перерыв молча протягивал сигарету, и однажды, не говоря ни слова, помог починить велосипед — просто взял ключ и начал крутить. Большого от него и не требовалось. Большого здесь ни от кого не требовалось.

На выходе из цеха Александр столкнулся с мастером Виктором Ильичом — грузным человеком лет пятидесяти пяти, с лицом красноватым от цеховой жары, которое, казалось, давно перестало удивляться чему-либо. Виктор Ильич передвигался по комбинату особой походкой людей у которых вся жизнь расписана по сменам: не торопясь, но и не останавливаясь.

— Соколов, — сказал он, не глядя. — Завтра Колесников не выйдет. Останешься на его участке.

— Хорошо.

Других слов не требовалось. Виктор Ильич уже шёл дальше. Александр смотрел ему вслед — на широкую спину, на то как мастер на ходу достал телефон, будто жизнь снаружи цеха уже стояла в очереди с поручениями.

Полгода назад Александр принёс ему схему. Нашёл в интернете материал об одном финском заводе — там перестроили логистику внутри цеха и сократили время цикла на во-

семнадцать процентов. Простая схема, ничего сложного. Он даже нарисовал от руки как это можно применить здесь, на их участке — синяя ручка на листке из блокнота, стрелки, цифры, три варианта с пометками.

Виктор Ильич взял листок двумя пальцами — как берут что-то сомнительное. Посмотрел. Потом посмотрел на Александра тем особым взглядом который он научился узнавать: не злым, не насмешливым — просто усталым от самого существования подобных вопросов.

— Ты давно работаешь? — спросил он.

— Год и четыре месяца.

— Вот когда десять лет проработаешь — тогда поговорим.

Листок он положил на стол. Не выбросил — именно положил. Это было почти хуже.

Потом, уже у двери, остановился.

— Это ты сам рисовал? — спросил он, не поворачиваясь.

— Схему.

— Да.

Виктор Ильич помолчал секунду. Потом вышел.

* * *

Городок назывался Краснопольск. На въезде стоял знак с цифрой 38 000 — столько жителей значилось по последней переписи, хотя все знали что молодёжь уезжала, а цифры за ней не успевали. Комбинат давал работу каждому третьему,

остальные жили тем что вокруг него выросло — магазины стройматериалов, ремонт техники, три кафе и одна пizzeria которая открывалась и закрывалась с упорством сезонных птиц.

Александр шёл домой пешком, как всегда. Двадцать минут. Он никогда не срезал этот путь — даже в январский мороз когда дыхание оседало льдом на воротнике. Эти двадцать минут принадлежали ему.

Улица Строителей — пятиэтажки с тёмными пятнами сырости на торцах, лавочки у подъездов где сидели одни и те же пожилые женщины в одних и тех же пальто. Поворот на Советскую мимо продуктового с вечно запотевшей витриной, мимо парикмахерской «Элегант» где в окне уже лет десять висел плакат с причёсками из другого времени. Кинотеатр с облупившейся надписью «Победа» — буква «П» упала три года назад, получилось «обеда», что местные считали если не остроумным, то хотя бы забавным. Площадь с памятником неизвестному солдату, которому кто-то регулярно рисовал маркером усы, а коммунальщики регулярно стирали. Эта война длилась уже лет пять и не имела победителей.

Он смотрел на людей идущих навстречу. На лица занятые чем-то внутренним — списком покупок, обидой на мужа, репликой которую надо произнести начальнику завтра. Краснопольск умел делать такие лица: немного усталые, немного настороженные, в любой момент готовые растянуться в приветливую улыбку при виде знакомого — и снова закрыться

когда знакомый пройдёт.

Александр знал что сам, наверное, выглядит так же.

Но думал он о другом.

Вчера вечером ему попался ролик о нейронных сетях — не очередное «объясняю на пальцах», а настоящий разговор без снисхождения к слушателю. Там была часть о том, как система обучается на собственных ошибках: делает прогноз, получает обратную связь, корректирует веса. Снова и снова. Без усталости, без обиды на себя, без соблазна объяснить провал внешними обстоятельствами. Просто — ошибся, исправил, стал точнее.

Он думал: а люди так умеют?

Он сам — умеет?

Неудобный вопрос. Он оставил его без ответа, как оставлял многие вопросы — не потому что не хотел, а потому что ответ требовал тишины, которой в обычный день просто не бывает.

* * *

В квартире было тихо. Не просто тихо — той особенной тишиной которую замечаешь лишь тогда, когда раньше её не было.

Она съехала три недели назад. Карина. Забрала одежду, косметику, кота — кот был её, и Александр понял что успел к нему привязаться только тогда когда по утрам стало неку-

да смотреть. Забрала маленький фикус который принесла в самом начале, поставила на подоконник и сказала «он будет очищать воздух». Александр поливал его исправнее неё — раз в четыре дня, немного. Фикус вырос сантиметров на десять за полтора года. Теперь на подоконнике остался только светлый четырёхугольник на пыльном пластике — след от горшка.

Она объяснила всё спокойно. Почти по-деловому — и это, пожалуй, было точнее всего.

— Пойми меня правильно, — сказала она, складывая кофты в коробку. Не смотрела на него — смотрела на вещи, выбирала как сложить аккуратнее. — Ты умный, ты добрый, ты... ты много читаешь. Но что дальше? Ты всё время что-то изучаешь, о чём-то думаешь. А жизнь — она вот. — Она показала на окно, за которым был Краснополяск — трубы комбината, серые пятиэтажки, вечернее небо без единой звезды. — Здесь. Мне нужен человек у которого есть перспективы. Конкретные.

Конкретные перспективы были у Дениса Волкова. Денис держал два магазина стройматериалов и в этом году открывал третий — Александр видел как рабочие красят фасад на Советской. Денис не смотрел ролики о нейронных сетях. Денис знал что хотел, и хотел ровно то, что можно было получить.

Александр не злился на неё.

Именно это было труднее всего — не злость, а её отсут-

ствие. Злость давала бы что-то делать: обижаться, доказывать что она не права, звонить Антону и говорить «представляешь, она...». Вместо злости было тихое понимание — почти как у Виктора Ильича когда тот смотрел на финскую схему. Усталость не его. Усталость самой ситуации.

Он поставил чайник, открыл ноутбук, закрыл его. Достал из холодильника вчерашние макароны и глядя в тёмное окно на своё собственное отражение, съел не чувствуя вкуса. Очередной вечер в одиночестве.

Телефон мигнул на краю стола. Колька. «Соколов. Деньги готовы. Завтра увидимся.» Александр закрыл экран и положил телефон лицом вниз.

История была устроена так что из неё нельзя было выбраться по правилам. Несколько лет назад он взял небольшой кредит — казалось, мелочь, справлюсь. Он и платил: каждый месяц, сколько мог. Только долг не убывал. Проценты, пени, комиссии мелким шрифтом на последней странице договора — сумма жила своей жизнью, совершенно равнодушной к тому что он переводил на счёт. В какой-то момент банк продал долг коллекторам. А коллектором оказался Колька Басов — с которым они учились с первого класса, задира каких в каждом классе по одному, привыкший ещё в школе что силой брать проще чем договариваться. В школе за это таскали к директору. В банке за это платили зарплату. Колька не звонил и не ждал — он просто появлялся. Завидев Александра на улице, у магазина, однажды прямо у проход-

ной комбината, он шёл к нему напрямую, и Александр знал что сейчас из кармана уйдёт всё что там есть — и долг всё равно к следующему месяцу не уменьшится.

Он оделся и вышел на улицу.

* * *

У подъезда столкнулся с Антоном. Антон Куликов, сосед с третьего этажа, друг с восьмого класса — человек с абсолютно ясным представлением о том как надо жить и редкой способностью не страдать от этой ясности.

— О, Саш. — Антон был в куртке, с пакетом из «Магнита». — Куда на ночь глядя?

— Прогуляться.

— Понятно. — Он явно хотел сказать ещё что-то и сказал. — В пятницу у Дёмы день рождения. Дача, шашлык, все свои. Ты как?

— Наверное, приду.

— «Наверное» это не ответ. Таня едет, Лерка с Пашкой, Женька с девчонкой своей. Все нормальные люди едут.

— Приду, — сказал Александр.

Антон достал телефон и начал кому-то писать — передавал важную новость о том что Саша придёт. Александр смотрел на его быстрые пальцы, на сосредоточенную морщину между бровей.

Антон работал в страховой компании, пил пиво по пятни-

цам, болел за «Зенит» и почти никогда не проигрывал споры о футболе. Встречался с Катей — администратор в гостинице «Северная», спокойная девушка с тихим голосом. Собирались пожениться весной. У Антона был план: свадьба, ипотека, машина немного лучше нынешней. Всё в правильном порядке. Всё понятно. Всё достижимо.

Александр не завидовал. Он просто не умел понять — каково это, хотеть то, что можно получить.

— Ты как вообще? — спросил Антон, убирая телефон. — После Карины.

— Нормально.

Антон посмотрел на него секунду — не как обычно, а чуть дольше, как будто примеривался сказать что-то ещё. Потом решил не говорить.

— Ну и хорошо. — Он хлопнул его по плечу — по-приятельски, без лишних слов. — Кстати, Димон Рябцев «Камри» взял. В кредит, конечно, но всё равно. Растёт человек.

— Да, — сказал Александр.

Он не сказал того что подумал. Он давно перестал говорить то что думал — не из осторожности, а просто: между его мыслями и тем что ждали услышать люди вокруг лежало расстояние, которое почти никогда не стоило преодолевать.

Антон ушёл в подъезд. Александр повернулся и пошёл дальше.

Было около восьми. Конец мая, но воздух уже остыл — прозрачный, почти стеклянный, такой бывает только в маленьких городах после заката когда комбинат встаёт и ветер наконец уносит дым. Пахло прогретой землёй и сиренью — она росла здесь вдоль заборов, никому особо не принадлежала, цвела для всех и ни для кого.

Ноги несли его знакомой дорогой, и он позволял им — не думал о маршруте, просто шёл. Мимо «Победы» — обеда, — мимо усатого солдата, дальше по Комсомольской до конца, потом направо вдоль деревянных заборов с облупившейся краской — туда, где на краю города у старого пересохшего оврага рос большой тополь.

Он ходил сюда с шестнадцатью лет. Один, с книгой, в любое время года. Что-то в этом месте — то ли то что отсюда не было видно ни одной трубы комбината, то ли особый рельеф оврага отгораживавший от города — давало ощущение что мир чуть больше, чем он выглядит из окна квартиры.

Потом он привёл сюда Карину. Ранней осенью, год назад — листья на тополе уже желтели, трава под ним была жёсткой и холодной. Она смеялась: кто ходит читать к оврагу? Но осталась. Они сидели на старом бревне которое лежало здесь сколько Александр себя помнил, и он читал ей вслух про устройство звёзд — про то как они рождаются из обла-

ков газа и пыли, как горят миллиарды лет и умирают по-разному в зависимости от массы. Она слушала, положив голову ему на плечо. Он чувствовал тепло её волос у своей щеки, запах её шампуня смешанный с запахом осенней листвы. Он думал тогда: наверное, вот это и есть — хорошо. Именно так и называется.

Теперь бревно было одно.

Он сел. Достал телефон, но не стал смотреть — просто держал в руке как что-то привычное и ненужное. Сидел и слушал. Стрекотали ночные кузнечики. Где-то далеко прошёл товарный поезд — долгий нарастающий гул который достиг пика и медленно ушёл, как чужое дыхание.

Он думал о финском заводе и восемнадцати процентах. О нейронных сетях и обратной связи. О Карине и конкретных перспективах Дениса Волкова. О Викторе Ильиче, который проработает ещё двадцать три года или не проработает — и это ничего не изменит.

Как-то раз его начальница сказала что ему надо найти себя в жизни. Он думал: каждый должен найти себя в этом мире — или мир должен его найти? Люди, часто не найдя себя, тратят лучшее что в них есть — время, силы, изобретательность — на то чтобы выглядеть теми кем они не являются. Чтобы нравиться тем кто им не интересен. Чтобы хотеть то что хотят другие.

Зачем?

Но он знал зачем. Потому что иначе — страшно. Иначе ты

Александр Соколов, двадцать три года, Краснопольск, комбинат, сорок седьмой крючок и никаких конкретных перспектив.

Солнце зашло. Он поднял голову.

Овраг затягивал туман — не клочьями, не дымкой, а настоящий, плотный, белый даже в темноте. Он поднимался от земли тяжело и медленно, как будто поле дышало. Раньше Александр таких туманов здесь не видел — или не замечал, что не одно и то же.

Потом он услышал шаги сверху.

Кто-то спускался по склону оврага — тяжело, не разбирая дороги, ломясь через кусты. Александр повернул голову и в темноте различил фигуру. Широкие плечи. Знакомая походка — чуть вперевалку, с напором, как человек привыкший что перед ним расступаются.

— О. Вот ты где прячешься.

Колька Басов сошёл с откоса и пошёл прямо к нему — не спрашивая, не объясняя. Он всегда так входил в разговор: как в драку, с ходу. Это ему нравилось — Александр помнил ещё со школы то выражение лица, чуть оживлённое, почти довольное. В седьмом классе Колька подрался с тремя одновременно — не потому что пристали, сам начал — и дрался с таким очевидным удовольствием, что один из тех троих потом сказал: это было как-то даже неловко.

— Давай карманы, — сказал он. — Что есть — давай. Остальное запишем.

Александр встал с бревна. В кармане было немного — на хлеб и на автобус. Он знал что если отдаст, к следующему месяцу сумма всё равно не изменится. Он это уже проверял.

Что-то сдвинулось — не в голове, в груди. Старый знакомый холод: не страх, точнее страх, но тот его вид который притворяется усталостью.

Он сделал шаг назад.

Потом ещё один.

Не побежал — просто отступил, как отступают от чего-то что не хочется касаться. Нога нашла траву позади, потом ещё шаг, и ещё — туман был уже совсем близко, он чувствовал его холод на затылке раньше чем успел подумать что делает.

— Эй. — Колька шагнул следом, голос стал резче. — Стоять, Соколов.

Но Александр уже сделал ещё шаг назад — и белое сомкнулось.

Не постепенно. Сразу — как будто кто-то задёрнул штору.

Он ещё слышал голос:

— Соколов! Стой, слышишь — ты у меня —

Потом и голос пропал.

Осталось только белое. Тишина. Трава под ногами.

Он стоял секунду, не двигаясь, слушая эту тишину. Потом пошёл вперёд — не потому что знал куда, а потому что назад было то самое.

* * *

Глава 2. Туман

Туман не кончался.

Александр шёл уже минуты три — или пять, или десять, он перестал считать, — а белое со всех сторон не редело и не менялось. Под ногами была трава, это он чувствовал, но не видел даже собственных ботинок. Он шёл вперёд потому что назад было то же самое белое, и разворачиваться не имело смысла.

Он пробовал думать систематически. Встать. Ориентироваться. Ждать. Он где-то читал что в густом тумане нельзя долго идти в одном направлении — человек сбивается, начинает забираться в сторону, идёт по кругу. Но трава под ногами была ровной. Кажется, он шёл прямо. Кажется.

Потом трава кончилась.

Он не сразу это понял — просто шаг стал другим, более твёрдым, чуть скользким, как будто под подошвой была не земля, а что-то гладкое. Он остановился и попробовал носком — твёрдо. Камень? Плитка? Он нагнулся но туман не давал ничего разглядеть.

Пошёл дальше.

Потом изменился воздух.

Это было резко — как если бы кто-то открыл дверь из холодного коридора в натопленную комнату: тепло, плотно, влажно. Как дыхание. Александр остановился. Вдохнул.

Запах был незнакомым — что-то зелёное, земляное, почти сладкое, без малейшего следа выхлопа или дыма. Он не сразу понял что именно странного в этом запахе. Потом понял: в нём не было ничего городского. Совсем ничего.

Он сделал ещё шаг.

И упал.

Не споткнулся — именно упал, как будто земля ушла чуть ниже чем он ожидал. Он успел выставить руки, ударился ладонями о что-то твёрдое и тёплое, и в тот же момент туман исчез.

Просто исчез — весь и сразу, как будто его никогда не было.

* * *

Александр лежал на боку, щекой на тёплой каменной поверхности, и первые несколько секунд не делал ничего — просто лежал и ждал пока голова догонит тело. В голове была странная пустота — не боль, не страх, просто пустота, как после того как очень долго смотришь на яркий свет. Он ждал боли — проверял мысленно: ладони, локти, колени, бок. Ничего. Только тепло камня под щекой — необычное, почти живое тепло, как будто плитка за день накопила в себе солнце и теперь отдавала его медленно, в темноту.

Тьму он заметил не сразу. Туман пропал — но стало не светлее. Просто другое: живая тёплая темнота с запахами, со

звуком, с каким-то далёким движением воздуха. Не глухота белого — темнота которая дышала.

Потом пришли звуки.

* * *

Он не знал что это за птицы.

Это была первая осознанная мысль — странная, совершенно не к месту. Птицы кричали коротко и резко, потом долго и переливчато, потом снова коротко, и он лежал и слушал их, потому что не мог сделать ничего другого. Он поймал себя на том что слушает именно так, как слушают что-то важное — пытается разобрать: сколько разных голосов, откуда, насколько далеко. Это была старая привычка — искать в хаосе структуру, раскладывать незнакомое на части которые можно назвать. Голосов было не меньше семи. Ни одного знакомого.

Потом он открыл глаза.

Небо было бледно-лиловым — предрассветным, с одной неяркой звездой прямо в зените. Он знал этот час: тот момент когда ночь уже кончилась, а день ещё не решил начаться. В Краснопольске в этот час пахло росой и тополиным пухом.

Здесь пахло иначе.

Он лежал на широкой плоской поверхности — плитка, светло-серая, с тонкими швами, тёплая, как он уже знал.

Слева от него что-то росло — он повернул голову и увидел дерево. Не дерево которое можно назвать — у него не было для него слова. Тёмный широкий ствол, кора в глубоких бороздах, ветви расходились горизонтально как этажи, корни выступали из земли и уходили под плитку как щупальца. Оно было огромным — метров двадцать, не меньше — и с нижних ветвей свисали нити, тонкие как леска, с маленькими светящимися точками. Они медленно гасли по мере того как светлело небо — одна за другой, методично.

Он сел.

Голова не кружилась. Руки не тряслись. Он огляделся.

* * *

И в этот момент услышал голоса.

Недалеко — за поворотом набережной, метров тридцать-сорок. Несколько человек, разговаривали оживлённо.

Он встал и пошёл на голоса.

За поворотом открылась набережная — широкая, с каменным барьером справа, за которым начиналась вода. Люди были здесь: двое шли навстречу, один сидел поодаль на скамейке, ещё несколько появились из-за угла дальнего здания.

Александр шёл по набережной и смотрел по сторонам.

Вывесок не было. Ни одной — ни магазинов, ни кафе, ни банков, ни рекламы. Просто здания, зелень, вода. Одежда у людей была странной — простой настолько что это само по

себе бросалось в глаза: никаких надписей, никаких логотипов, никаких брендов. И — он это почувствовал прежде чем понял — люди смотрели на него с каким-то определённым удивлением.

Женщина которую он обогнал обернулась. Двое у воды переглянулись. Мальчик лет десяти открыто уставился и мать взяла его за руку — негромко что-то сказала, но вполголоса, и он не разобрал. Хотя интонация была понятна: не надо смотреть. Хотя сама посмотрела.

Александр остановился.

Люди как люди. Он смотрел на них и понимал это совершенно отчётливо — обычные люди: ходят, разговаривают, кто-то смеётся, мать ведёт ребёнка за руку. Ничего пугающего, ничего неземного. Просто люди. Но всё вокруг них — здания, свет, воздух, сам этот город — было настолько чужим и другим, что у него не было для этого слова. Люди понятны. Мир вокруг — нет.

Он посмотрел на свою куртку, на джинсы. Ничего необычного — обычная одежда, в которой он вышел из дома вчера вечером. Но здесь, среди этих людей в простых светлых вещах без единого значка и надписи, он выглядел как будто пришёл с другого праздника.

Он достал телефон.

Экран не отвечал на касание — раз, второй. Потом загорелся. Сигнала не было. Совсем — не одна полоска, не «поиск сети», просто пусто, как будто телефон забыл что такое

вещь возможна. Он попробовал карты — приложение открылось и встало, вращая значок загрузки, бесконечно.

Он убрал телефон.

Хорошо. Он постарался рассуждать разумно. Большой город, незнакомый район, роуминг не работает — бывает. Он как-то попал сюда через туман, это странно, но всё вокруг понятно: люди, набережная, язык. Просто другой город.

Тогда почему на него так смотрят.

Он снова пошёл вперёд, и ещё один человек — пожилой, с палкой для ходьбы — посмотрел на него с тем же спокойным, почти профессиональным любопытством с каким смотрят на что-то неожиданное. Не на опасного. На неожиданное.

Александр вспомнил фильм — он смотрел его года два назад, что-то американское. Там парня помещали в специально выстроенную среду: подставные люди, придуманные обстоятельства, всё вокруг было постановкой — и так до тех пор пока он не начинал думать иначе, вести себя иначе. Перевоспитание через погружение.

Может, это такое?

Он огляделся с новым вниманием — теперь деловым, почти исследовательским. Скрытые камеры. Актёры. Дорогостоящая декорация. Кто-то вложил очень большие деньги в очень реалистичный реквизит — эти здания, эта вода, этот воздух без выхлопа.

Но зачем? Кто? Колька? Колька не потянет такое даже в

лучший месяц своей жизни.

Антон? Антон едва наскребает на ипотеку.

Нет. Это не розыгрыш.

Александр медленно дошёл до каменного барьера над водой и остановился.

* * *

С той стороны реки стояли здания.

Он долго смотрел на них.

Дома. Он понял это умом — дома, здания, постройки, люди в них живут. Но ни одного слова из того что он знал к ним не подходило. Не высотки из стекла и панелей. Не пятиэтажки Краснополяска с тёмными пятнами сырости на торцах. Это было что-то третье.

Здания поднимались уступами — плавно, как склоны холмов. Каждый ярус был живым: деревья, кустарники, что-то цветущее прямо сейчас, в предрассветный час. Не горшки на балконе — настоящий лес, посаженный в само тело здания, как будто архитектор думал не о стенах, а о почве для роста. Стены изгибались мягко, повторяя форму деревьев рядом с ними. Не сопротивлялись пространству — разговаривали с ним.

Он думал о Викторе Ильиче. О листке с финской схемой который тот взял двумя пальцами. Тот кто строил это думал не «как построить стену», а «как построить так, чтобы росло

дереву». Это было другое мышление с самого начала.

Света в окнах почти не было. Город просыпался медленно.

Ничего похожего он не видел. Ни в жизни, ни в кино, ни в интернете. Это не вписывалось ни в один образ города который был у него в голове — как будто всё что он знал о том как выглядят здания, было неверным с самого начала.

* * *

Небо светлело. Где-то вдалеке, там где река поворачивала, что-то скользило над самой водой — бесшумно и быстро, не касаясь поверхности. Он смотрел на это и не пытался объяснить.

Потом он услышал шаги.

Человек шёл по той же набережной — молодой, невысокий, в светлой одежде без единой надписи. Небольшая сумка через плечо. Шёл быстро, по делу, и, увидев Александра у барьера, замедлил шаг.

Они смотрели друг на друга секунду.

— Ты в порядке? — спросил человек негромко, без тревоги.

Александр открыл рот — и понял что не знает что отвечать.

Он не был ранен. Он не был болен. Он стоял на тёплой плитке в незнакомом городе непонятно как сюда попав, и

птицы кричали над головой, и рядом текла тёмная вода, и мир вокруг него был другим настолько, что у этого не было подходящего слова.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Не знаю где я.

Человек посмотрел на него внимательно — не с испугом, не с подозрением, а с тем спокойным вниманием с которым смотрит врач. Это внимание было неожиданным. Александр ждал чего угодно другого: настороженности, желания поскорее пройти мимо. Он вспомнил как в Краснопольске однажды видел человека который упал на улице — не пьяного, просто упал, — и как люди обходили его стороной, и кто-то достал телефон, но не чтобы звонить, а чтобы снять.

Этот человек достал что-то маленькое — не телефон, что-то другое, тонкое, матовое, почти незаметное — и негромко сказал несколько слов. Деловито, как говорят когда решают что-то простое.

Потом снова посмотрел на Александра.

— Сейчас придут, — сказал он. — Оставайся здесь. Ты в безопасности.

Кивнул — и пошёл дальше. Своей дорогой, по своим делам, как будто нашедший человек у реки на рассвете был чем-то вполне обычным.

Александр смотрел ему вслед.

Ты в безопасности.

Не «всё хорошо». Не «помощь едет». Именно это — *в безопасности*. Как будто это было самым важным что нужно

сообщить незнакомому человеку. Как будто здесь это было нормально — сказать незнакомому что он в безопасности, и пойти дальше не оборачиваясь.

Может быть, так и было.

* * *

В Краснопольске сейчас была ночь.

Здесь наступало утро.

Он не знал где «здесь». Он не знал как сюда попал. Он не знал что будет дальше — через час, через день, через что угодно.

Но воздух был тёплым. И птицы кричали. И мир вокруг был живым такой живостью, которую он не умел объяснить, — как будто даже камень под руками дышал.

Он сидел и ждал.

* * *

Глава 3. Пробуждение

Небо стало золотым.

Александр не заметил как это произошло — просто в какой-то момент поднял голову и увидел что лиловое ушло, а на его месте разлилось негромкое утреннее золото, и река под ним стала другой — не тёмно-зелёной, а живой, подвижной, полной света. Птицы кричали по-прежнему, но теперь к ним прибавились другие звуки: голоса, чьи-то шаги по плитке, где-то негромкая музыка — не из динамика, живая, он не мог понять откуда.

Людей на набережной стало больше. Они шли по своим делам — с сумками, в одиночку, парами, — и никто не смотрел в телефон. Совсем никто. Он заметил это не сразу, потом заметил и не мог отделаться от этого наблюдения: десятки людей, и ни один не смотрит в экран. Просто идут. Просто живут.

Над рекой снова прошло то бесшумное — теперь он видел лучше. Продолговатое, низкое, светлое, оно скользило над самой водой на расстоянии ладони от поверхности и не касалось её. Никакого двигателя. Никакого звука. Просто плыло — как будто вода сама несла его. Он смотрел пока оно не скрылось за поворотом.

Потом услышал шаги за спиной.

Девушка шла по набережной не торопясь — в светлых брюках, в простой рубашке, волосы убраны. Лет двадцати пяти, не больше. Она не смотрела на Александра специально, но когда поравнялась с ним — замедлила шаг. Посмотрела. Остановилась.

— Ты давно здесь сидишь? — спросила она.

Просто так спросила. Без тревоги, без казённой интонации. Как спрашивают знакомого.

— С ночи, — сказал он.

Она кивнула — как будто это объясняло что-то, хотя он не понимал что именно. Потом открыла сумку, достала небольшую бутылку — без этикетки, простое стекло — и протянула ему.

— Вода.

Он взял. Выпил — холодная, чистая, без вкуса газа и химии, просто вода. Он не знал что давно хотел пить пока не сделал первый глоток.

— Спасибо, — сказал он. — Меня зовут Александр.

— Мира, — сказала она и присела на барьер рядом, без лишних слов, как садятся когда решили остаться.

Некоторое время они молчали. Мира смотрела на реку. Александр смотрел на неё — и думал что никак не может понять что в ней необычного. Потом понял: она не торопи-

лась. Совсем. Как будто у неё не было ничего срочного — ни встреч, ни опозданий, ни пяти дел которые надо успеть. Просто сидела и смотрела на реку. С незнакомым человеком. На рассвете.

— Ты откуда? — спросила она.

— Краснопольск.

Она чуть повернула голову — с интересом, но без узнавания.

— Не знаю такого.

— Это... — Он запнулся. — Это небольшой город. Комбинат, пятиэтажки. Тридцать восемь тысяч жителей.

Мира молчала секунду.

— А сюда как попал?

Он подумал — стоит ли. Решил что терять нечего.

— Шёл через поле. Был туман. Я в него зашёл — и вышел здесь.

Он ждал улыбки, или скептического взгляда, или вопроса «ты серьёзно?». Ничего этого не было. Мира выслушала — спокойно, внимательно — и снова посмотрела на воду.

— Значит ты не знаешь где ты.

— Не знаю, — сказал он. — Это что за город?

— Новгород, — сказала она просто.

Он молчал. Новгород он знал — старый город, Новгородский кремль, он видел фотографии. Но то что было перед ним не имело ничего общего с теми фотографиями. Совсем ничего.

— Это не тот Новгород который я знаю, — сказал он наконец.

— Наверное, нет, — согласилась она. Без иронии. Просто согласилась.

* * *

Она встала первой.

— Есть тут одно место, — сказала она. — Недалеко. Там помогают людям которые не знают где они или что с ними случилось. Ты хочешь туда?

Не «тебе надо». Не «я тебя отведу». Просто — хочешь?

— Хочу, — сказал Александр.

Они пошли.

Мира шла чуть впереди, иногда поглядывая на него — не проверяя, просто поглядывая. Александр шёл и смотрел по сторонам и старался ни за что не зацепляться взглядом дольше секунды — потому что стоило остановиться на чём-то одном как появлялось столько вопросов что он переставал идти.

Машин не было. Совсем — ни одной. Улица была широкой, мощёной той же светлой плиткой, и по ней ходили люди и иногда проезжало что-то бесшумное, округлое, без колёс — скользило над поверхностью как то что он видел над рекой. Он старался не смотреть на это слишком долго.

Здания вблизи были ещё более странными чем издалика.

Он видел как из стены первого этажа прямо в плитку уходят корни — не декоративные, настоящие, живые, — и плитка вокруг них была выложена так чтобы корням было место. Как будто дом и дерево договорились. Из окна третьего этажа свисала ветка с листьями — он не сразу понял что ветка росла изнутри. Дерево жило в здании, и здание жило вокруг дерева.

— Здесь всегда так строят? — спросил он.

— Как — так? — Мира обернулась.

— Деревья внутри. Зелень на каждом этаже.

Она посмотрела на здание, потом на него — с лёгким удивлением, как смотрят когда не понимают в чём вопрос.

— А как иначе? — сказала она.

Он не нашёлся что ответить.

* * *

Они шли минут десять. Александр видел маленький рынок — нет, не рынок, что-то похожее: люди передавали друг другу какие-то предметы, разговаривали, никто ничего не считал и не записывал. Видел детей которые бежали куда-то с таким серьёзным видом будто от этого зависел весь мир. Видел пожилого мужчину который сидел на скамейке и что-то рисовал в блокноте — поднял глаза на Александра, кивнул, снова опустил.

Никто не торопился. Никто не кричал в телефон. Никто

не смотрел затравленно по сторонам.

Александр поймал себя на том что всё время ждёт чего-то — какого-то напряжения, какой-то скрытой агрессии, знакомого городского фона тревоги который он настолько привык не замечать что заметил только здесь, в его отсутствие. Фона не было.

Навстречу, через всю улицу, не торопясь шла собака — крупная, лобастая, без ошейника, без хозяина рядом. Александр подобрался прежде чем подумал: в Краснопольске такая собака означала — держись стороной, обходи дугой. Тепло вспомнило раньше головы.

Собака скользнула по нему взглядом, по Мире — без интереса — и прошла мимо, по своим делам, как прохожий.

Мира заметила, как он напрягся.

— Она не тронет, — сказала. — Незачем.

— А бывают которые трогают?

— Бывают. Их видно рано, ещё щенками. О таких заботятся отдельно. — Она пожала плечом, как о понятном. — Остальные ходят где хотят. Их кормят, лечат. Ничьи и общие разом.

Александр оглянулся. Собака уже сворачивала за угол — спокойная, сытая, ничья.

И подумал: если здесь даже зверь не носит угрозы — куда она делась? У зверя её сняли рано, воспитанием. А у людей? Где те, в ком она есть, — ведь где-то должны быть. Вопрос лёг и остался без ответа. Он не знал ещё, кого об этом спра-

шивать.

— Мира, — сказал он. — А у тебя нет дел? Ты куда-то шла.

— Шла, — согласилась она. — Но это подождёт.

— Ты меня совсем не знаешь.

Она пожала плечами — легко, без пафоса.

— Знаю что тебе нужна помощь. Этого пока достаточно.

Он не знал что на это сказать. В Краснопольске это звучало бы как фраза из плохого кино. Здесь звучало как факт.

* * *

Центр адаптации оказался обычным домом.

Александр ожидал чего угодно — больничного вида, казённой вывески, людей в форме. Но это была просто постройка в два этажа, с деревьями у входа, с широкими окнами из которых видна была зелень внутри. Никакой таблички. Только открытая дверь.

Внутри было светло и негромко. Несколько человек в просторных комнатах — кто-то разговаривал, кто-то читал. Пахло чем-то травяным, тихим. Навстречу им вышла женщина лет сорока — спокойная, с внимательным лицом.

— Мира, — сказала женщина. — Кто это?

— Александр. Он не знает где он и как сюда попал.

Женщина посмотрела на него — долго, без спешки. Так смотрят не на проблему, а на человека.

— Александр, — сказала она. — Я Вера. Идём, поговорим.

Мира коснулась его локтя — лёгким, коротким касанием.

— Всё хорошо, — сказала она. — Ты в правильном месте.

Он обернулся — но она уже уходила. Не убегала, просто уходила — своей дорогой, по своим делам, как будто зайти с незнакомым человеком в центр адаптации и сказать ему что всё хорошо было самым обычным утренним делом.

Может быть, так и было.

Александр посмотрел ей вслед. Потом повернулся к Вере.

— Идёмте, — сказал он.

* * *

Глава 4. Куратор

Комната была небольшой — два окна, стол, несколько кресел. Из окна видна была зелень: нижние ветви какого-то дерева касались подоконника снаружи, листья шевелились.

Никакого стола с бумагами. Никакого экрана на стене. Никакой казённой обстановки которую он ожидал — неосознанно, по привычке. Просто комната. Тихая.

Вера жестом предложила ему сесть и сама села напротив. Помолчала немного — не неловко, а так как молчат когда дают человеку время освоиться.

— Давно не ел? — спросила она наконец.

— С вечера, — сказал он. И снова поймал себя на том же: снова не к делу.

Вера коснулась чего-то на запястье — он не успел разглядеть. Через несколько минут в комнату вошла молодая женщина и поставила на стол поднос: хлеб, миску с горячим супом, стакан воды и вышла.

Александр поел — быстро, больше потому что не знал чем занять руки. Хлеб был настоящим, плотным, с запахом для которого у него не было слова. Не хлебозаводский запах — другой, как в детстве.

— Хорошо, — сказала Вера когда он отодвинул поднос. — Теперь поговорим. Меня интересует всё что ты можешь рассказать — без торопливости, без пропусков. Я слушаю.

Говорил долго. Начал с вечера — с комбината, с Виктора Ильича и листка с финской схемой, с долга и Кольки, с оврага и тополя. Потом туман, падение, плитка, птицы. Потом — это место.

Вера слушала не перебивая. Он ни разу не увидел в её лице ни скептицизма, ни удивления — просто внимание, ровное и плотное. Он привык что люди слушают вполуха, одним глазом уже в телефоне, уже где-то ещё. Вера смотрела на него всё время пока он говорил.

Один раз — в середине его рассказа — она немного отвлеклась, просто — на секунду взгляд ушёл немного в сторону, голова слегка наклонилась. Потом вернулась. Он заметил это, но не сказал ничего. Решил что отвлеклась.

— Спасибо, — сказала она когда он закончил. — Это важно.

— И что теперь? — спросил он.

— Теперь разбираемся, что с этим делать дальше.

— В каком порядке?

— Сначала первое, — сказала она. И снова та секундная пауза — голова чуть наклонилась, взгляд чуть ушёл. — Александр. В системе тебя нет.

Он не сразу понял что это значит.

— Нет биометрических данных, нет истории здоровья, нет записей о рождении, обучении, работе. — Она говорила спокойно, как сообщают факты. — Никаких данных. Со всем. — Чуть помолчала. — Это впервые за долгое время.

Он ждал тревоги в её голосе. Её не было.

— И что это значит? — спросил он.

— Это значит что твой рассказ — единственное что у нас есть. И что всё в нём, скорее всего, правда. — Пауза. — Или ты очень хороший рассказчик.

В её интонации был не смех, не ирония, просто лёгкость. Он был немного растерян. Потом вспомнил то что заметил раньше.

— Вы только что снова это сделали, — сказал он.

— Что именно?

— Вот это. — Он не мог описать точнее. — Остановились на секунду. Как будто... слушаете что-то.

Вера посмотрела на него — с тем же спокойным вниманием.

— Да, — сказала она просто. — Мне подсказывают.

— Откуда?

Она чуть повернула голову — и он увидел. За ухом, почти вровень с кожей: что-то маленькое, матовое, телесного цвета. Если не знаешь что искать — не заметишь. Он не замечал весь разговор, что то маленькое, не больше фасолины и чуть изогнутое. Совсем не похожее ни на наушник, ни на слуховой аппарат, ни на что что он видел раньше.

— Мне подсказывают про тебя и про всё что происходит. — Она не извинялась за это. — Я собиралась сказать тебе об этом сама — говорю сейчас. Это Система, она присутствует везде. Она есть везде где живут люди. Она рядом, она нас

защищает и подсказывает. Всегда. Система была рядом с той минуты как ты встретил Миру на набережной.

— И что Система знает обо мне?

— Больше чем я, — сказала Вера. — Ещё до того как ты сказал первое слово — она уже знала что ты не спал больше суток. Что ты под острым стрессом. Что сердечный ритм учащённый, дыхание поверхностное. — Пауза. — Что ты голоден — это я сама заметила, не она.

Он молчал.

— А что такое Система? — спросил он.

Вера чуть помолчала — как будто выбирала слово.

— Официально — Единый Разум, — сказала она. — Но так почти никто не говорит. Говорят просто: Система. — Помолчала. — А что она такое... Инструмент. Который люди создали чтобы жить лучше чем умели сами. Это не организация и не государство в том смысле в каком ты понимаешь это слово.

— Кто ею управляет?

— Семь человек, — сказала Вера. — Но не в том смысле в каком ты понимаешь это слово. Ценности определены давно — не ими и не Системой. Есть заповеди на которых стоит этот мир. Задача Семерых — следить чтобы система не отступала от них. Если система принимает решение которое идёт вопреки заповедям — они это замечают и исправляют.

— Они не могут использовать это в своих интересах?

— Это было бы вопреки тем же заповедям, — сказала Ве-

ра просто. — Система видит это первой. Они это знают.

Он думал об этом.

— А законы? — спросил он. — У вас есть законы?

Вера чуть подумала.

— Были. Раньше. — Она посмотрела на него. — Закон

— это стена. Нельзя, перешагнёшь — накажут. Он держал людей страхом.

— А теперь?

— Теперь заповеди. Заповедь не стена — совет. Лучше так. Можешь иначе, силой никто не удержит — просто увидишь, к чему придёшь. — Пауза. — Закон ограничивает снаружи. Заповедь советует, а выбор оставляет тебе.

Александр молчал. В Краснопольске всё было стеной — закон, долг, начальство, цена; жизнь как коридор: иди где разрешено. Здесь, выходило, стен не было — были советы. Как на одних советах держится целый мир, он не понимал. Но впервые услышал, что мир может стоять иначе.

— А зачем ей знать про меня?

— Чтобы быть рядом когда нужна помощь. — Вера говорила ровно, без пафоса. — Голодному человеку и сытому человеку нужны разные разговоры. Она это знала до меня.

* * *

Александр смотрел на маленький предмет за её ухом.

— Кто там? — спросил он наконец. — За этим. Человек?

— Нет.

— Машина?

Вера на секунду задумалась — не над ответом, скорее над тем как его дать.

— Это не совсем точное слово, — сказала она. — Машина — это когда нажал кнопку и получил результат. Здесь другое. Она учится. Она помнит. Она... замечает.

— Замечает что?

— Тебя. — Она не уточняла. — Не факты о тебе — а тебя. Александр не знал что с этим делать.

— Как она говорит с вами?

— Не говорит, — сказала Вера. — Точнее не так. Она не произносит слов. Просто... становится известно. Как будто вспомнил что-то. Или понял. Но сам не думал.

— И это не пугает?

— Меня — уже нет. — Она смотрела на него. — Тебя — скорее всего да. Это нормально.

Он сидел и думал об этом. В Краснопольске он знал людей которые клеили на камеры ноутбуков чёрный скотч. Читал о слежке. Понимал умом что государству неинтересен слесарь с комбината — но умом, а не нутром. Нутро помнило по-другому.

— Вы можете её спросить что-то? — сказал он. — Прямо сейчас?

— Да.

— Спросите про меня. Что она думает.

Вера чуть помолчала — та характерная пауза с наклоном головы.

— Она говорит что ты задаёшь правильные вопросы в неправильном порядке, — сказала она.

— Это как?

— Сначала спрашиваешь кто там за Контактom. Потом — что это за место. Потом — что с тобой будет. — Пауза. — Обычно люди начинают с последнего.

Александр смотрел на неё.

— А она не могла просто мне это сказать?

— Могла бы, — сказала Вера. — Если бы ты мог слышать. Ты узнаешь очень много, если конечно сам этого захочешь.

* * *

Она открыла небольшой ящик стола и достала точно такой же предмет — маленький, матовый, телесного цвета. Положила на стол между ними. Не придвигала к нему. Просто положила.

— Это не обязательно, — сказала она. — Без него ты можешь разговаривать со мной, я буду передавать. Здесь есть люди которые принципиально не носят — им сложнее в быту, но это их выбор, система его уважает. — Помолчала. — Но если хочешь спросить Систему сам — нужен Контакт. А спросить можно о чём угодно: где что найти, как лучше поступить, что это за место или вещь, что за человек тебе

встретился. Она знает обстановку и подскажет — и предостережёт, если соберёшься во вред себе или другому. Чужого личного не откроет — только то, что человек сам показал миру. И всегда советует, а не велит: решать тебе.

Он смотрел на маленький предмет на столе.

— Это следит за мной?

Вера посмотрела на него — не как на странного, а как смотрят когда слышат вопрос из другого времени.

— В твоём мире за людьми следили чтобы знать что с ними делать если понадобится, — сказала она. — Здесь другое. Система знает о тебе — чтобы быть рядом когда нужна помощь. Не над тобой. Рядом.

— Но знает всё.

— Знает многое, — поправила Вера. — Как ты себя чувствуешь, где ты, что с тобой происходит. — Пауза. — Не для того чтобы иметь над тобой власть. Для того чтобы защитить от ошибок и подсказать в нужную минуту.

— Тогда нет, — сказал он.

— Хорошо, — сказала Вера.

Она не убрала Контакт. Оставила лежать на столе — не как приманку, просто не убрала.

Они продолжали разговор. Она спрашивала про Краснополяск — не про факты, про ощущение: как жилось, чего не хватало, что было хорошего. Он отвечал — сначала осторожно, потом больше. Про комбинат, про Антона, про Карину которая ушла к тому у кого были перспективы. Про долг

который рос пока он спал.

Иногда Вера делала свою паузу — голова наклонялась, взгляд на секунду уходил. Он уже знал что это значит. Система что-то давала ей — про него, про разговор. Он наблюдал за этими паузами и думал: что она получает? Что там, за этим коротким наклоном головы?

— Что она сейчас говорит? — спросил он во время одной из таких пауз.

Вера посмотрела на него с улыбкой.

— Что ты спрашиваешь про это уже третий раз.

Он помолчал.

— Ну и?

— Она ничего не добавляет. Просто слушает и смотрит, изучает.

Александр посмотрел на Контакт лежащий на столе.

— А если я что-то спрошу через вас — она ответит вам, а вы мне?

— Да.

— Тогда спросите: она понимает как я сюда попал? Туман — она что-нибудь об этом знает?

Долгая пауза. Дольше обычных.

— Она говорит: нет, — сказала Вера. — Нет данных о подобных явлениях. Это первый такой случай в её опыте.

— Она не знает?

— Она не знает. — Вера смотрела на него. — Тебя это удивляет?

Он думал об этом. Удивляло — да. Почему-то он ожидал что система 2180 года знает всё. Машина, которая знает тебя лучше чем ты сам — и не знает про туман.

— Спросите ещё, — сказал он. — Что она думает — я вернусь обратно?

Пауза.

— Она говорит: это зависит от явления природы которое пока не изучено.

Александр долго смотрел в окно. Листья шевелились. Где-то в здании негромко разговаривали. В голове толкались друг о друга мысли.

— Можно я сам спрошу? — сказал он наконец.

— Через меня или сам?

Вера не ответила. Просто посмотрела на Контакт на столе.

* * *

Он взял её. Подержал в ладони — тёплая, почти невесомая. Вера показала как крепится: за ухо, в канал — совсем немного, почти не чувствуется.

— Просто живи, — сказала она. — Ничего делать не надо. Если захочешь спросить — просто сформулируй. Она услышит. Первое время будет странно.

— Когда именно она... начинает?

— Уже.

Он рефлекторно поднял руку к уху. Остановился.

Тихо. Ничего нового. Те же звуки что были — листья за окном, где-то далеко голоса. Он прислушивался и ждал чего-то — голоса в голове, сигнала, вспышки.

Ничего.

Он выдохнул.

И тогда — негромко, почти как мысль, не совсем как звук — что-то появилось. Не слово. Ощущение что кто-то рядом. Не в комнате — ближе. Как будто кто-то сел напротив и смотрит. Внимательно. Без осуждения.

Он не двигался.

Ты устал, — пришло к нему. Не текстом, не голосом — просто стало известно. Как будто понял сам. Но не сам.

— Это... — начал он.

— Да, — сказала Вера тихо. — Это она.

Он молчал долго. Листья шевелились за окном. Где-то высоко пролетела птица — одна из тех незнакомых, с долгим переливчатым криком.

— Она не говорит?

— Говорит. Когда есть что сказать. Когда спрашивают. — Вера смотрела на него с тем же ровным вниманием. — Первое время она в основном слушает.

— Что слушает?

— Тебя.

Это было странно — не пугающе, не успокоительно, а просто странно. Как когда долго идёшь в темноте и вдруг понимаешь что кто-то идёт рядом — неслышно, давно — и ты не

знаешь как к этому относиться.

* * *

Потом пришёл вопрос.

Не голосом — он не мог бы объяснить как именно. Просто в какой-то момент он понял что у него спрашивают. Конкретно, без вступления:

Когда ты заходил в туман — ты знал что не вернёшься?

Александр замер.

Он думал об этом — здесь, на набережной, пока ждал расвета. Думал и не думал. Не формулировал. Колька кричал сзади, туман был впереди, он шёл — и не думал ни о чём кроме следующего шага.

— Нет, — сказал он вслух. — Не знал.

Пауза.

Александр долго молчал.

— Это была моя история? — спросил он.

Ответа не было. Или он не расслышал. Или ответ был в том что его не было.

* * *

— Всё в порядке? — спросила Вера.

— Да. — Он помолчал.

Вера чуть улыбнулась.

— Она тебя слушала с той минуты как ты вошёл в эту комнату, — сказала Вера. — Ещё до Контакта.

— Я знаю, — сказал он помолчав. — Значит, здесь всё — под Системой?

— Да. Говорю об этом сразу. Не потому что должна — потому что считаю что ты имеешь право знать.

Он обдумывал это.

— В Краснопольске, — сказал он медленно, — были камеры на улицах. На остановках. В магазинах. Никто не говорил «ты имеешь право знать». Просто были — и всё.

— Я знаю, — сказала Вера.

— Откуда?

— История. Мы изучаем как жили люди. Это часть понимания — зачем то что есть сейчас.

Он посмотрел на неё.

— И что вы думаете — про то время?

Вера помолчала секунду.

— Думаем что было очень тяжело. Не потому что за питание или тепло надо было платить деньгами, а потому что не знаешь кому доверять — и не можешь это проверить.

Александр ничего не сказал. Кивнул — медленно, один раз.

За окном шевелились листья. Где-то в здании, в другой комнате, кто-то тихо разговаривал. Птица снова — та же или другая, он ещё не умел различать.

Тебе надо поспать.

На этот раз он почти не удивился.

— Пойдём, я провожу тебя в комнату где ты отдохнёшь.

На какое-то время это будет твоим домом.

Вера проводила его по большому коридору — изредка встречались люди которые неторопливо о чём-то разговаривали — потом они поднялись на второй этаж и подошли к одной из дверей.

— Располагайся. — Вера ещё раз улыбнулась и пошла обратно.

За дверью была большая комната с отдельным туалетом и душем. В дальнем углу — кровать и письменный стол со стулом. Окно выходило на деревья — нижние ветви были вровень со вторым этажом, листья почти касались стекла. Было тихо. Не краснопольской тишиной когда слышишь всё равно: сквозь стены — соседей, сквозь потолок — телевизор, сквозь окно — двор. Просто тихо.

Он разделся, лёг на кровать и тут же уснул.

* * *

Глава 5. Это не тюрьма

Он проснулся от света.

Не от будильника, не от чужих голосов за стеной — просто комната наполнилась утром и он открыл глаза. Лежал и смотрел в потолок. Ждал чего-то — привычного беспокойства, мысли про работу, про долг, про что угодно что обычно стояло на рассвете первым. Ничего не было. Просто потолок и тихий свет.

Он поспал — по-настоящему. Не краснопольским урывочным сном когда сквозь него всё время что-то просачивается. Сон закончился как закрытая книга: плотно, без хвостов. Он не мог вспомнить когда это было в последний раз. Стал понемногу вспоминать вчерашний день. Контакт был на месте — он заснул не сняв его. Лёгкий, тёплый, почти не ощущается. Тихо.

Он встал.

* * *

Общая комната была в конце коридора. Он нашёл её без помощи — запомнил ещё вчера. Дверь открыта. Внутри было светло и негромко: несколько человек за столами, кто-то у окна с книгой, кто-то ещё что-то делает.

Еда стояла вдоль стены — длинный стол, хлеб, фрукты он не знал названий, тёмный напиток в большом кувшине. Он оглянулся. Никакой кассы, никакого счётчика. Никого кто смотрел бы кто сколько берёт.

Он взял поднос. Фрукты вдоль стола были незнакомые — один крупный, светло-оранжевый, ароматный. Потянулся к нему.

Тёмное. Рядом с хлебом.

Просто пришло. Он убрал руку. Посмотрел: рядом с хлебом стояла невзрачная миска — тёмная масса, незнакомая, совсем не то. Взял. Не потому что хотел — из любопытства.

Попробовал.

Оказалось неожиданно хорошо — густое, с ореховым привкусом, с горчинкой которая давала глубину. Ел медленно и думал что сам никогда не взял бы это.

Вернулся к оранжевому фрукту. Сладкий — это да. Простой. Быстро заканчивается. Доел, но интереса уже не было.

Налил из кувшина — пахло травами, чем-то южным. Сел за стол.

Она уже что-то знала о нём. Откуда — он не понимал. И когда успела.

Напротив сидел пожилой человек, седоватый, с рассеянным видом человека который смотрит внутрь себя. На столе перед ним лежал листок, исписанный мелко.

Они кивнули друг другу. Мужчина снова опустил взгляд на листок.

Александр ел медленно и думал о счётчике которого не было. Механизм должен был быть где-то. Он знал что за все надо платить. В Краснопольске всё считалось: рабочие часы, выработка, долг, остаток на карте. Везде был кто-то с цифрами. Кто-то всегда знал сколько у тебя и сколько ты должен, или пытался сделать тебя должником. Это знание давало им над тобой что-то — не власть официально, но давало. Твоя цифра была их рычагом.

Здесь он сидел с едой которую взял не заплатив и никто не записал ни рубля.

Не рубля, — поправил он себя. Здесь не было рублей.

Это была другая задача — он просто ещё не понял её условия.

* * *

Мужчина с листком поднял голову.

— Новый? — спросил он. Без интонации любопытства или подозрения — просто уточнение.

— Со вчера, — сказал Александр.

Мужчина кивнул.

— Я второй месяц. — Сказал и снова опустил в листок. Потом добавил, не поднимая глаз: — Сначала странно что ничего не надо делать. Потом понимаешь что надо — просто другое.

— Что другое?

Мужчина подумал.

— Разобраться кто ты есть, — сказал он. — Здесь с этим помогают.

Он не пояснял больше. Александр не спрашивал.

* * *

После завтрака он вышел.

Просто вышел — через открытую дверь на улицу, как вчера выходила Мира, как он сам входил вчера. Никто не спросил куда. Никто не остановил. В ухе тихо — Система промолчала.

Улица встретила его солнцем и тишиной — не абсолютной, но другой. Голоса где-то, чьи-то шаги по плитке, с верхнего этажа живая музыка, птицы над крышами. Но без двигателей. Без того ровного гула который в Краснопольске стоял всегда — как давление в ушах, которое замечаешь только когда оно уходит. Здесь оно ушло. Он не сразу понял почему воздух такой — потом понял: не было выхлопа. Просто не было. Пахло деревом, немного рекой, зеленью которая росла вдоль пути — не вдоль проезжей части, а вдоль пути для людей. Тело по привычке ждало машин — боковым зрением, ждало пространства которое надо уступить. Уступить было некому. Улица принадлежала идущим.

Он шёл и пробовал новое. Из открытого окна на втором этаже текла музыка — негромкая, незнакомая. Он спросил Систему — не вслух, просто сложив вопрос в голове, как учила Вера: что это?

Запись здеишего мастера. Он работает со звуком залов, это проба. Пришло ровно, без нажима — не голос, знание, как вчера.

Сработало. Он спросил ещё, проверяя границу: а кто он, этот мастер?

Что открыто — скажу: имя, чем занят, что сделал. Что он держит при себе — нет. Это его.

Александр кивнул сам себе и больше спрашивать не стал. Не потому что отказали — не отказали. Просто понял: можно спросить о чём угодно — о доме, о музыке, о человеке за стеной — и тебе ответят ровно столько, сколько тот сам открыл миру. В Краснопольске такое знание о людях собирали тайком и держали как рычаг. Здесь оно лежало открыто и предлагалось как помощь — и оттого, странным образом, лезть в него не хотелось.

* * *

Он дошёл до угла. Обернулся. Здание центра стояло за спиной — обычное, двухэтажное, деревья у входа. Открытая дверь.

Он пошёл дальше.

Дошёл до следующего перекрёстка. Остановился. Три улицы расходились в разные стороны. Он выбрал ту что вела к воде — он чувствовал направление по воздуху, по запаху.

Никто не шёл за ним.

В Краснопольске он тоже был формально свободен ходить куда хочет. Но это слово — «свободен» — всегда было с оговоркой: свободен пока платишь аренду, пока выходишь на смену, пока Колька не позвонил. Свобода как погода — может стоять долго, а может измениться. Он привык жить в ожидании что изменится.

Сейчас он шёл по городу в котором ему никто ничего не должен и он никому ничего не должен — и ждал что это тоже изменится. Что сейчас придёт счёт.

Счёт не приходил.

* * *

На набережной былолюдно — спокойно илюдно, как бы-

вает утром в выходной, только будничнее. Никто не торопился и никто не слонялся. Каждый был занят своим — разговором, работой руками, просто движением.

Он поймал себя на старом занятии. В Краснопольске, попав в толпу, он за секунду расставлял всех по местам — по одежде, по обуви, по тому, у кого какой телефон: этот выше, этот ниже, с этим осторожнее. Считывалось само, как читают вывески.

Здесь вывески не читались. Одеты были по-разному — кто проще, кто ярче, кто как привык, — но из одежды не торчало ни ранга, ни цены: не было дорогого, потому что не было дорогого, не было дешёвого, потому что не было дешёвого. Кто перед ним — мастер, координатор, один из тех самых Семерых или вчерашний приезжий вроде него — по виду не угадать. Привычка считывать ранг работала вхолостую, как рука, что шарит по стене там, где нет выключателя.

И от этого почему-то отпускало. Не нужно было опасаться кого-то сверху и пренебрегать кем-то снизу — глаз не находил ни верха, ни низа.

Он сел на каменный барьер — тот самый где сидел в первое утро. Вода была другой при дневном свете: широкая, живая, с отблесками. По ней шло что-то — то бесшумное, округлое, которое он видел раньше. Он смотрел пока не скрылось.

Мимо прошёл пожилой мужчина — неторопливо, с палкой, с лицом человека которому некуда торопиться и это его

вполне устраивает. Покосился на Александра — спокойно, без любопытства. Кивнул. Прошёл.

Александр смотрел на воду и пробовал найти что его держит.

Не физически — он понимал что может встать и идти и никакой забор не появится. Вопрос был другой. В Краснопольске людей держало понятное: долг, работа, квартира, привычки. Невидимые нити к конкретным точкам. Оборви нити — и всё это исчезнет: крыша, еда, место в мире. Это называлось жизнью и было одинаковым для всех кого он знал.

Здесь нити он не находил. Еда была без нитей. Жильё — без нитей. Никто ему ничего не объяснял про обязательства. Никто ничего не требовал.

Тогда что здесь вместо нитей? Что-то должно было удерживать всё это от разрушения.

* * *

Он нашёл тот угол который видел вчера с Мирой. При дневном свете — просто часть площади, открытая со всех сторон. Люди приходили и уходили: с сумками, свёртками, просто с руками. Кто-то что-то передавал, кто-то принимал, иногда разговаривали, иногда нет.

Он сел на скамейку напротив и смотрел долго.

Никаких ценников. Никакого торгового который он мог бы увидеть. Женщина принесла что-то завёрнутое в ткань — пе-

редала мужчине с густой бородой. Тот принял, кивнул. Оба разошлись. Никто ничего не записал — видимо.

Рядом с ним на скамейку сел человек — лет шестидесяти, с внимательным спокойным лицом. Развернул что-то из тряпичного свёртка, начал есть. Когда тот закончил, Александр спросил:

— Тот что с бородой, — кивнув на площадь, — ему просто так принесли еду?

Мужчина посмотрел на него — с тем же ненапряжённым вниманием.

— Ему нужна была еда.

— Да, но... это равно? То что он отдаёт и то что берёт?

— Равно кому? — сказал он.

— Ну... по стоимости.

— По чьей стоимости?

Это не было попыткой запутать — мужчина спрашивал буквально, с подлинным интересом понять что именно Александр имеет в виду. Как спрашивают когда вопрос действительно непонятен.

Александр смотрел на площадь. Бородатый мужчина уже ушёл. Женщина с тканью — тоже.

— Я не знаю как здесь это работает, — признал он.

— Он делает инструменты. — Мужчина говорил ровно. — Ему нужна была еда. У неё было лишнее — Система об этом знала. Она принесла. — Пауза. — Что ей нужно — Система тоже знает. Получит.

Александр думал об этом.

— А если человек берёт больше чем отдаёт?

Мужчина посмотрел на него — не с осуждением, просто внимательно.

— Система сообщит. Предложит поработать больше. —

Пожал плечами. — Обычно до этого не доходит.

Он доел, аккуратно завернул обратно в тряпицу, встал.

— Откуда ты? — спросил — без настойчивости, просто раз уж разговор.

— Краснопольск, — сказал Александр.

Мужчина кивнул — без узнавания, просто принял к сведению.

— Это далеко, — сказал он. И ушёл.

* * *

Александр сидел ещё долго.

Городской фон — тот самый которого не было, который он заметил по его отсутствию ещё первым утром — не появился. Люди двигались вокруг без него. Ни затравленных взглядов, ни ожидания удара, ни мелкой постоянной готовности к чему-то плохому. В Краснопольске этот фон был как влажность — ты в нём с рождения и не знаешь что он есть пока не попадаешь в сухое место.

Здесь было сухо.

Он снова пробовал найти механизм. Чем удерживается

это? Где контроль, где страх, где иерархия — что не даёт всему рассыпаться?

Проходили люди. Он смотрел. Никто никого не контролировал — по крайней мере видимо. Никто не смотрел на кого-то сверху вниз. Дети бегали где хотели. Пожилые сидели где хотели. Работающие работали — но работали так, как работают когда это твоё дело, а не когда тебя заставили.

Или ему казалось.

Или он просто не видел механизм — потому что не понимал как он устроен.

Оба варианта были неприятны по-разному.

* * *

К центру он вернулся сам.

Не потому что нужно было. Не потому что время вышло. Просто ноги принесли — он шёл по улице и понял что идёт туда. Остановился перед открытой дверью.

Вышел утром без разрешения. Ходил где хотел. Сидел сколько хотел. Разговаривал с кем хотел. Никто не позвал обратно. Никто не спросил где он был.

И он вернулся.

Он стоял на пороге и думал об этом. Не тюрьма — это точно. Не тюрьма не потому что красиво и светло и еда хорошая. Тюрьма — это когда нельзя уйти. Он ушёл. Вернулся сам.

Вера говорила: закон — стена, заповедь — совет. Стена держит силой. Совет — отпускает. Дверь за спиной весь день была открыта. Он всё равно вернулся.

Тогда что это.

Ответа не было. Система молчала.

Он вошёл.

* * *

Глава 6. Где злость

На третий день он начал проверять людей.

Не специально — просто поймал себя на том что делает это. Говорил что-то немного острее чем нужно, чтобы посмотреть что будет. Брал лишнее и ждал взгляда. Задавал вопрос с подтекстом — не грубым, но с подтекстом. Изучал реакции.

Реакций почти не было. Люди отвечали по существу — без обиды, без насторожённости, без той едва заметной защитной брони которую он привык считывать у людей с первых секунд разговора. В Краснопольске броня надевалась автоматически, как пальто — ты её не замечал пока не снимал. Здесь её не было вовсе.

Это было хуже чем если бы люди злились.

Потому что злость он понимал. Злость означала что внутри что-то есть — напряжение, недовольство, желание иначе. Злость означала что человек живой. А это ровное спокойствие — он ещё не знал что с ним делать.

* * *

Утром он пошёл на набережную — уже знал дорогу, три квартала, потом налево. Шёл и смотрел.

Тени от деревьев лежали поперёк плитки — длинные, утренние. Из открытого окна на втором этаже тянуло едой: незнакомой, сладковато-пряной, хорошей. Два кота сидели на подоконнике и смотрели на улицу с видом полных хозяев — один проводил его взглядом и отвернулся. В переулке кто-то разговаривал, смеялись. Никаких сигналов. Никакого мотора на холостом ходу. Никакого радио из окна машины. Просто утро. Просто город в котором утро звучит как утро.

Мира прошла по другой стороне улицы. Он узнал её сразу — походка, светлое на плечах. Она его, кажется, не заметила: шла быстро, с сумкой, куда-то по делам. Он не окликнул. Просто отметил: вот она, живёт здесь, у неё своя жизнь.

У одного из зданий работал молодой парень — чинил что-то в мощении, вынимал плитки, осматривал, укладывал обратно. Работал спокойно, без спешки, с видом человека у которого ровно столько дел сколько нужно.

Александр замедлил шаг. Остановился.

— Давно этим занимаешься?

Парень поднял голову — без раздражения что отвлекли.

— С утра. — Улыбнулся слегка. — Если ты про профессию — нет, это не каждый день. Сегодня предложили.

— Предложили, — повторил Александр. — Система?

— Да. Нужны были руки, я был рядом, подходит по физическому состоянию. — Парень посмотрел на плитку. — Хорошая работа руками. Я не против.

— А если бы был против?

— Сказал бы. — Просто сказал, без пафоса.

— И что тогда?

— Тогда предложили бы что-то другое.

Александр смотрел на него. Парень был его возраста — может, на год-два моложе. Спокойный. Занятый. Доволен работой.

— Тебя не раздражает, — сказал Александр медленно, — что кто-то решает что тебе сегодня делать?

Парень посмотрел на него — без обиды, но внимательно. Как смотрят когда вопрос кажется странным, но не хотят этого показать.

— Никто не решает, — сказал он. — Предлагают. Я соглашаюсь.

— Но ты соглашаешься каждый раз.

— Ну... — Парень чуть помолчал. — Обычно предложение разумное.

— Значит ты просто делаешь что говорят.

Что-то в интонации вышло резче чем он хотел. Парень посмотрел на него — ровно, без ответной резкости.

— Ты говоришь как будто я в ловушке, — сказал он. — Я не в ловушке.

Александр не нашёл что на это возразить.

Парень вернулся к работе. Спокойно, без осадка — как будто разговора и не было.

Александр пошёл дальше.

Он искал раздражённого человека.

Не злого — просто недовольного. Человека у которого что-то пошло не так и он это показывает. В любом городе который он знал такие люди попадались каждые пять минут: в очереди, за рулём, у окошка какой-нибудь конторы. Просто жизнь постоянно о чём-то трётся, и люди это показывают — лицом, голосом, тем как несут своё тело.

Он ходил час.

Один раз нашёл — пожилая женщина у какого-то дерева, явно расстроена. Он притормозил. Женщина что-то говорила — коротко, себе — и смотрела вверх на ветку. Он присмотрелся: на ветке было что-то застрявшее, небольшое, она явно пыталась достать и не могла.

Вот. Расстроенный человек. Он уже почти шагнул к ней — рефлекторно: в Краснополяске к расстроенному человеку надо было либо подойти либо уйти, нейтральной позиции не существовало.

Через минуту мимо проходил высокий мужчина — женщина что-то сказала ему, он посмотрел, кивнул, легко дотянулся, снял. Отдал. Женщина поблагодарила — без излишних слов, просто поблагодарила. Мужчина пошёл своей дорогой. Всё заняло меньше минуты.

Раздражение женщины прошло вместе с причиной раз-

дражения.

Александр стоял в стороне и смотрел на это. Шагать было некуда.

Он не мог объяснить почему это его злило. Никакой логики — всё хорошо, проблема решилась, оба довольны. Злило не это. Злило что-то другое, чего он не мог назвать. Что-то на краю.

* * *

К середине дня он вернулся в центр и сел в общей комнате.

Несколько человек — кто-то читал, двое разговаривали негромко в углу. Тихо. Светло. Всё как всегда.

Он сидел и пробовал понять что с ним происходит.

Вот это. Вот оно.

Эти люди были нормальными. Он это видел — нормальные люди, не роботы, не актёры, не загипнотизированные. Они смеялись, расстраивались из-за мелочей, уставали, радовались. Всё было на месте. Но где-то под этим — или, вернее, в отсутствие чего-то — было что-то такое чего он не мог поставить на место в голове.

Они не ждали удара.

Вот оно. Он наконец сформулировал.

Он ждал всегда. Не осознанно — просто так работало тело: спина чуть напряжена, взгляд чуть оценивающий, слух

чуть готов к изменению тона разговора. Не паранойя — просто опыт. В мире где правила менялись по настроению начальника, где долг мог вырасти пока ты спишь, где человек которого ты знал двадцать лет мог в один день стать твоим противником — в таком мире ожидание удара было просто умом.

Здесь этого ожидания не было ни у кого.

Они выросли иначе. Все. Каждый из них с рождения знал: земля не уйдёт из-под ног по чужой прихоти. Рекомендации разумны. Система не предаёт. Другой человек, как правило, не враг.

Они не знали что такое ждать удара — потому что удары не приходили.

А он знал. И это знание было в нём — как шрам. И оно никуда не делось от того что он оказался в месте где удары не приходят. Наоборот: в мире без угроз шрам стал заметнее. Он ходил по городу с готовностью которой некуда было деться — и это бесполезное напряжение копилось куда-то внутрь.

Двое в углу засмеялись — негромко, над чем-то своим.

Александр сжал зубы.

* * *

В комнату вошла молодая женщина — не из персонала, одна из живущих в центре. Поставила на стол рядом с ним

чашку.

— Травяной, — сказала она. — Я сделала лишний. Будешь?

Он посмотрел на чашку. Посмотрел на неё.

— Нет, — сказал он.

Получилось сухо. Она чуть подняла брови — не обидевшись, просто заметив.

— Ладно, — сказала она легко. Взяла чашку обратно. Ушла к окну.

Он смотрел ей вслед.

Она не обиделась. Совсем. Просто услышала «нет» и приняла его как факт — как принимают погоду. Без ответной колкости, без поджатых губ, без того мгновенного закрытия которое он умел читать у людей когда они решали что ты невежа и запоминали это.

Ничего. Просто ушла к окну.

Он не знал что с этим делать.

В Краснопольске после такого тона Карина уходила в другую комнату и за ужином молчала. Не из обиды — из принципа. Ты не разговариваешь нормально — я тоже не буду. Это было справедливо. Это было понятно. Это оставляло осадок у обоих на несколько часов.

Он не понимал почему вспомнил об этом сейчас.

Повышенное напряжение. Частота пульса выше обычного. Это уже несколько часов.

Пришло как знание. Он поморщился.

— Знаю, — сказал он вполголоса.

Пауза.

Физическая нагрузка хорошо снимает такое состояние.

Здесь рядом есть площадка — две улицы на север.

— Я не просил советов.

Система не обиделась. Разумеется.

Он сидел ещё минут десять. Потом встал.

* * *

Площадка была открытая — большой двор между зданиями, светлый, с несколькими беговыми дорожками и зоной с оборудованием. Человек пять занимались каждый своим. На него никто особо не посмотрел.

Он начал бежать.

Не трусцой — по-настоящему, как будто убегал или догонял, он сам не знал. Ноги нашли темп и он не стал им мешать. Первый круг, второй. Лёгкие начали работать всерьёз, мысли начали рассыпаться — не исчезать, просто рассыпаться, теряя форму, переставая быть острыми.

Третий круг. Четвёртый.

Он остановился когда остановиться заставило тело — резко, на полушаге, просто ноги сказали хватит. Встал, согнулся, упёрся ладонями в колени. Дышал.

Долго дышал.

Потом сел прямо на дорожку. Никто не прокомментиро-

вал. Один из занимавшихся мельком взглянул, вернулся к своему.

Александр сидел и смотрел на небо над зданиями. Оно было синим — не краснопольским белёсым, а по-настоящему синим. Птица прошла где-то высоко, медленно.

Злость прошла.

Он поискал её — привычно, как ищут вещь которую только что держал. Нет. Ушла куда-то в асфальт вместе с потом.

Он сидел с этим.

Злился он не на них. Это он понял сейчас — с той ясностью которая приходит только когда тело устало и думать получается просто, без лишнего. Не на спокойных людей, не на систему, не на парня с плиткой и не на женщину с чашкой. Злился — на себя. На то что не умеет быть там где удар не приходит. На то что всё время готовится и не знает как не готовиться. На то что у этих людей было что-то чего у него не было и никогда не будет — те первые годы когда учишься доверять потому что мир ещё не дал тебе причины не доверять.

Их годы были такими. Его — нет.

Не их вина. Не его вина.

Просто разный старт.

Он лёг на спину прямо на дорожку. Смотрел в синее небо. Мышцы гудели. Голова была пустой и это было хорошо.

Хорошо. Спокойно, без «а я говорил».

Он не ответил. Но, в общем, согласился.

* * *

Глава 7. Наташа

Он проснулся с болью в мышцах.

Хорошей болью — не краснопольской, когда ноги отказывают к пятнице от смены и это просто износ. Другой: заработанной, от работы которую тело проделало само по себе, по его собственному решению. Он полежал, пощупал её — бёдра, икры, немного плечи. Потолок был тем же. Утро было тем же.

Четвёртый день.

* * *

На завтрак он шёл уже не высчитывая. Взял поднос. Взял что было. Налил из кувшина. Мужчина с листком сидел за тем же столом что и вчера — или другой такой же, он не приглядывался. Ел медленно. Механизм по-прежнему был где-то внутри и по-прежнему был невидим, и он по-прежнему не понимал его — но острота этого незнания куда-то ушла. Не исчезла: просто перестала стоять первой.

После завтрака он вышел.

На набережной с каждым днём было одинаково. Это он начал замечать — не как монотонность, а как что-то другое. Краснопольск менялся по настроению: у магазина иногда стояла очередь, иногда нет; автобус иногда опаздывал, иногда не приходил вовсе; в цеху что-нибудь всегда было не так как вчера — оборудование, смена, цифры. Здесь фон был ровным. Люди были разными, но фон был ровным. Это тоже требовало привыкания.

Он занял своё место — каменный барьер у воды, тот самый. Вода была утренней, холодной на вид, с медленными отблесками. Он смотрел на неё и не думал ни о чём конкретном — просто смотрел. Это тоже было новым умением: четыре дня назад он не умел просто смотреть.

— Ты из центра?

Он обернулся.

Девушка сидела в двух метрах от него на том же барьере — он не заметил как она там оказалась. Лет двадцати трёх, может двадцати пяти. Тёмные волосы убраны назад, что-то светлое на плечах. Смотрела на него — прямо, без осторожности и без особого любопытства, просто вопрос и ожидание ответа.

— Да, — сказал он.

— Я видела тебя там. Вчера.

Он кивнул. Она тоже жила в центре — или заходила. Он не помнил её лица, но лиц он пока ещё не запоминал хорошо.

— Наташа, — сказала она. Не протянула руку — просто назвалась.

— Александр.

Она повторила тихо — будто проверяла звучание.

— Старое имя, — сказала она. Не с оценкой — просто заметила.

— Есть ещё такие?

— Бывают. — Она посмотрела на воду. — Но не часто. Обычно если хотят чтобы звучало... длинно. Классически. Александр Невский и всё такое. — Слегка улыбнулась.

Он подумал об этом. Его имя звучало для неё старым — не чужим, просто из другого времени. Что было, в общем, точно.

* * *

Они некоторое время молчали. Он не чувствовал потребности говорить — и она, кажется, тоже. Вода шла своим ходом. Где-то за зданиями был город.

— Ты откуда? — спросила она наконец. — Если не против.

— Краснопольск. Это... был такой город. — Он остановился. Не знал как объяснить.

Она ждала.

— На севере. Небольшой. Там был завод — комбинат. Я работал там.

— Большой завод?

— Средний. Человек триста, может четыреста.

— Чей?

Он подумал что ослышался.

— В смысле?

— Чей завод, — повторила она — без нажима. — Кому принадлежал?

Он смотрел на неё. Вопрос был простым — как вопрос ребёнка который искренне не знает. Она не знала слово — она не понимала зачем заводу нужен владелец.

— Компании, — сказал он медленно. — Акционерам. Это люди которые вложили деньги и получали прибыль с работы предприятия.

Она кивнула — медленно, с видом человека который записывает.

— И рабочие не получали части прибыли?

— Получали зарплату. Фиксированную.

— А прибыль — акционерам.

— Да.

Она помолчала. Не осуждала — обрабатывала. Картинку которой у неё не было.

— И если завод стал бы приносить меньше, — спросила она, — акционеры могли его закрыть?

— Могли.

— И люди потеряли бы работу.

— Да.

Пауза.

— Это было нормально? — спросила она тихо. — Я не в смысле правильно или нет. Просто — это воспринималось как порядок вещей?

— Да, — сказал он. — Это была просто жизнь.

Она смотрела на воду. Что-то в её лице — не осуждение, не жалость. Просто усилие понять то чего нельзя понять изнутри.

* * *

Потом спрашивал он.

— Тебя не беспокоит, — сказал он, — что ты не знаешь что именно Система знает о тебе?

Наташа посмотрела на него. Думала — по-настоящему, не отметала.

— Нет, — сказала она. Помолчала. — Не потому что не думала. Просто... — Пауза, как будто искала слова для очевидного. — Знание само по себе ничего не значит. Значит что с ним делают. Система знает что мне сегодня нужно пройтись, что у меня завтра встреча, что я плохо сплю когда ем поздно. И что?

— Ну, — сказал он. — Она может использовать это против тебя.

— Для чего?

Он открыл рот — и закрыл.

Наташа смотрела на него — не иронично, не нарочито терпеливо. Просто ждала.

— Использовать чтобы... получить над тобой что-то. Рычаг.

— Зачем ей рычаг? — спросила она. Буквально. — Ей что-то нужно от меня?

Он не ответил.

Она чуть наклонила голову.

— У вас так делали? — спросила она тихо. — Люди которые знали что-то о других — использовали это?

— Да, — сказал он.

— Тогда понятно почему спрашиваешь.

Она не добавила больше. Не объясняла что здесь иначе — он и сам знал что иначе, он это видел четыре дня. Просто поняла откуда вопрос. И в этом понимании не было снисхождения.

* * *

— Ты скучаешь? — спросила Наташа.

Он не ожидал. Не оттого что странный — оттого что прямой. В Краснопольске так не спрашивали первого встречного, тем более на четвёртый день. Слишком близко. Слишком сразу.

— Мне говорят что я слишком напрямик, — сказала она. Не извинялась — просто признала как факт.

— Нормально, — сказал он. — Не знаю ещё — насчёт скучаю.

Она кивнула.

— Это честный ответ.

— По-твоему так бывает — не знать?

— Конечно. — Она посмотрела на него. — Ты же только приехал.

Приехал. Он подумал что для неё это звучит именно так — приехал. Не выпал из тумана в мир где у него нет никого и нет способа вернуться. Просто приехал из другого города.

Это, в общем, было немного одиноко.

Хотя он понял сейчас — достаточно ясно — что именно хочет. Не вернуться. Не разобраться в механизмах. Просто найти здесь место которое было бы его. Не временное, не место аномалии без данных в системе — своё место. Пока такого не было. Но по крайней мере он знал теперь чего ищет.

Она встала — без спешки.

— Мне идти. Сегодня ещё дела.

Он кивнул.

— Может увидимся, — сказала она. — Я тут бываю.

Не «обязательно», не обещание — просто: может. Если будет. Никакого вежливого обязательства.

Он смотрел как она уходит — тёмные волосы, прямая спина, походка человека у которого есть куда идти и он знает

куда.

* * *

Старая привычка шевельнулась сама собой: узнать, кто она. В Краснопольске, прежде чем подпустить человека, ты выяснял — кто, откуда, чего хочет, чем может быть опасен. Сведения были обороной. Он поймал себя на том, что уже складывает вопрос Системе: что за Наташа?

И спросил — наполовину из любопытства, наполовину проверяя, ответит ли.

Наташа. Живёт в городе, заходит в центр — помогает тем, кто только приехал. Работает с городскими проектами. Прямая; это про неё известно, она и сама не скрывает. Пауза, ровная. Остальное — её. Захочет — расскажет сама.

Он сидел с этим. Система дала ровно столько, сколько Наташа и так открывала миру, — и остановилась там, где началось её личное. Не из секретности — из уважения. В его прежнем мире такой запрос вывалил бы всё, что нашлось, без разбора, и это считалось бы в порядке вещей. Здесь даже всезнающей Системе чужое личное было чужим.

А главное — спросил-то он по старой привычке: вооружиться заранее. А вооружаться было не от кого.

Повернулся к воде.

По ней прошло то бесшумное округлое — в который раз

за эти дни, он уже не считал. Не смотрел вслед. Просто отметил и вернулся к реке.

Четыре дня он смотрел на людей — изучал, анализировал, пробовал понять. Все эти люди смотрели на него тоже — спокойно, вежливо, каждый со своим внутренним. Никто не смотрел так чтобы он это чувствовал.

Наташа смотрела.

Не оценивала. Не изучала. Просто смотрела — как смотрят на что-то что интересно потому что интересно, без дальнейшего плана. Он это заметил не сразу — только теперь, когда она ушла.

Разница была. Он просто не знал как её назвать.

* * *

Глава 8. Первая рекомендация

Он узнал про учебную программу от Веры — на шестой день.

Не впервые, оказывается. Ему говорили в первый день — когда всё было про туман и усталость и Контакт. Он не запомнил. Теперь Вера сказала снова: есть структурированный курс для людей которые оказались в центре адаптации. Даёт контекст, помогает ориентироваться, отвечает на вопросы которые обычно возникают в первые недели.

— Принудительно? — спросил он.

— Нет, — сказала Вера.

— Тогда пока откажусь.

Она кивнула — без уговоров, без «ты уверен». Просто приняла к сведению.

Вероятно, в течение дня возникнет ситуация где это создаст затруднение.

Просто информация, ровным тоном. Он поморщился.

— Разберусь.

Тишина. Система не настаивала.

* * *

К середине дня он пошёл в мастерскую.

На втором этаже центра была комната с инструментами и материалами — он заходил смотреть ещё в первые дни. Сегодня хотел взять что-нибудь для работы руками. Не из необходимости — просто когда руки заняты, голова думает ровнее. В Краснопольске он так делал: находил что-то сломанное, чинил. Помогало.

Один инструмент был ему нужен — деревообрабатывающий, незнакомый на вид, но он понял принцип. Взял с полки.

— Этот сейчас используется, — сказал голос за спиной.

Он обернулся. Молодой парень, из живущих в центре.

— Кем?

— Мариной. Вернётся через час.

— Другой такой есть?

— Можно запросить через систему. — Парень смотрел на него с тем ненапряжённым недоумением которое Александр уже начинал узнавать: человек не понимал как объяснить то что ему самому было как дыхание.

— Как запросить?

— Просто скажи что нужно. Или подумай — через Контакт дойдёт. Система найдёт.

— А если я не хочу через систему?

Парень подумал.

— Можно у кого-то попросить напрямую. Или подождать.

— Как найти Марину?

— Не знаю где она сейчас. Система знает.

Александр посмотрел на инструмент в руке. Потом на

полку. Потом на парня который ждал — терпеливо и без особого интереса, как ждут когда человеку нужно додуматься до чего-то самому.

— Ладно, — сказал он. Положил инструмент обратно.

* * *

Он мог спросить через Контакт — это заняло бы секунды. Но не хотел. Принципиально, как он сам себе сказал утром. Вернулся вниз. Сел в общей комнате.

В Краснопольске тоже были системы которые надо было знать: куда идти за справкой, кому звонить, как обходить очереди. Он их знал — не потому что хотел, а потому что иначе было труднее. Здесь — другая система. Тоже нужно знать. Курс объяснял бы это. Он отказался от курса.

Прошло минут двадцать. Он сидел без дела которое хотел делать.

Рубанок освободится через сорок минут.

Он смотрел в окно.

— Знаю, — сказал он вполголоса.

Система не добавила ничего. Не сказала «а я предупредила». Просто сообщила факт — рубанок через сорок минут. Это было почти хуже чем если бы укорила.

* * *

Борис появился в дверях с чашкой — тот самый, с листком. Второй месяц в центре, как он сказал тогда.

— Не занят? — спросил он.

— Нет.

Борис сел напротив. Помолчал — он умел молчать без неловкости.

— Ты сегодня чем-то раздражён, — сказал он наконец. Не с интересом к деталям — просто констатировал.

— Немного.

— Бывает. — Борис снова посмотрел в свой листок. — У меня в первый месяц тоже было. Злился что не знаю как тут работает. Потом злился что всё-таки пришлось учиться.

Александр смотрел на него.

— И как?

— Нормально, — сказал Борис. — Просто другая грамота. Выучил — и забыл что не знал.

Он встал, взял чашку, ушёл в свою комнату. Разговор был и закончился — без хвоста, без морали.

* * *

Вечером Александр нашёл Веру.

— Когда следующий курс?

— Завтра, девять утра.

— Приду.

Вера кивнула. Не спросила почему передумал, не отметила что он отказывался утром. Просто: приду — хорошо, запишу.

Он вышел в коридор.

Раздражение ещё было — не на Веру, не на систему, на себя. Он потерял полдня на принцип который ничего не защищал. Принцип «сам разберусь» в мире где разобраться это и означает — узнать как здесь устроено.

Он подумал об этом.

Завтра в девять.

* * *

Глава 9. Стыд и любопытство

Их было пятеро.

Он не знал чего ожидал — лекционного зала, учебников, кого-то в роли учителя. Была просто комната с мягкими креслами, небольшими столами, светом из высоких окон. Пятеро: он, двое молодых, женщина средних лет с тихим лицом, пожилой мужчина который, кажется, пришёл потому что было интересно, а не потому что нужно.

Вела занятие Зоя — лет сорока пяти, спокойная, с манерой спрашивать больше чем объяснять.

— Начнём не с правил, — сказала она. — Начнём с вопросов. Что вам непонятно — прямо сейчас, в эту минуту?

Он думал что промолчит. Вместо этого спросил:

— Как запросить что-то у системы не через Контакт? Если просто нужен инструмент или предмет.

Зоя кивнула как кивают когда вопрос хороший.

— Можно вслух. Можно через Контакт мысленно. Можно подойти к любому человеку — они сами знают как передать запрос. Система принимает в любой форме.

— А если человек не может дать что я прошу?

— Тогда она найдёт кто может. Или когда сможет.

Просто. Он потратил вчера полдня на обход вокруг этого простого.

* * *

Первые полтора часа были про устройство мира — не сухо, через истории. Зоя рассказывала конкретные случаи: как в 2061-м первые жители Исландии перешли на модель ИИ-координации и что они чувствовали. Как в России это произошло позже и почему. Он слушал — сначала с оценивающим вниманием, потом просто слушал.

— В 2092 году, — сказала Зоя, — чуть не произошло то чего не происходило со времён Карибского кризиса.

Она назвала год и страны. Он помнил их по-другому — он ушёл в туман в 2025-м, за 67 лет до этого. За 67 лет до катастрофы которая чуть не случилась.

Он сидел и держал это.

Его мир — тот самый, Краснопольск, комбинат, Колька с долгом — был за 67 лет до края. Он не знал. Люди там не знали. Просто жили.

Зоя не останавливалась. Рассказывала дальше: как предотвратили, кто помог, что изменилось после. Остальные слушали — для них это была история, как история Наполеона. Для него это было будущее его мира.

Потом был разговор свободный — задавали вопросы, Зоя отвечала или направляла к кому ещё спросить.

Один из молодых — высокий парень с рассеянным видом — спросил Александра:

— А в твоём регионе как работала система стимулирования труда?

Александр не понял вопрос.

— В каком смысле?

— Ну — как координировалась занятость. Региональный уровень, надстройка над трудовым рынком.

Он смотрел на парня. Слова были знакомые — порознь. Вместе не складывались в то что он знал.

— У нас был завод, — сказал он. — Либо работаешь, либо нет. Никакой надстройки.

Парень посмотрел на него — с тем же недоумением которое Александр уже знал. Молчание повисло на секунду.

В Краснополъске он бы сделал вид что вопрос понял, дал расплывчатый ответ и ушёл в сторону. Здесь — почему-то — не захотел.

— Я не знаю этот термин, — сказал он. — Объясни.

Парень объяснил. Занял две минуты. После Александр понял и вопрос, и почему его спросили. И ответил.

Никто не прокомментировал что он не знал. Просто: объ-

яснил, ответил. Следующий вопрос.

* * *

Он вышел из занятия в половине двенадцатого.

Шёл по коридору и думал об этом: «я не знаю этот термин». Три слова. В Краснопольске он бы их не произнёс. Не потому что стыдно — потому что опасно: не знать означало слабость, а слабость означала что тебя можно сдвинуть. Это был рефлекс. Не правило которое он принял — просто опыт, ставший частью тела.

Здесь он сказал «не знаю» — и ничего не случилось. Парень объяснил. Разговор продолжился.

Он попробовал поймать стыд — привычный, который должен был прийти после того как признал незнание на людях. Не нашёл. Было что-то другое — более лёгкое, немного похожее на любопытство. Интересно было: что ещё он не знает? Что ещё можно просто спросить?

Это было новым. Он не знал ещё как к этому относиться — но не отталкивал.

* * *

После обеда он вернулся в мастерскую.

Рубанок был свободен. Он взял его без лишних слов —

просто взял — и сел работать с куском дерева который нашёл в углу. Дерево было незнакомым: плотным, светлым, с запахом которого у него не было слова.

Работал медленно. Думал.

Про 2092-й думал — про то что это было будущее его мира, и люди в том мире не знали. Это знание ложилось на что-то, он ещё не понял на что.

И про «не знаю» думал. Про то как легко это оказалось — сказать и двигаться дальше.

За окном мастерской стояли деревья. Листья шевелились.

* * *

Глава 10. Работа по призванию

На третьей неделе пришло предложение по работе.

Не ультиматум, не назначение — именно предложение.

Есть возможность которая может тебя заинтересовать.

Исследовательская группа. Изучают период 2010–2060-х.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.